

Рубрику ведет
Евгения РУБЦОВА

День за днем

Рожденный в Свободном

Борис ЧЕРНЫХ.
67 лет.
Живет
в Благовещенске.
Писатель.
Амурский казак

Сейчас-то понятно, в чем была его ошибка. Слова советских вероучителей относительно всеобщего социального счастья надо было просто заучивать и повторять, а он еще и верил в эти слова — отсюда все его беды.

Судьба старших в семье вроде бы не располагала к такой доверчивости. Дед, Георгиевский кавалер, воевал в Гражданскую на стороне белых и был за это расстрелян. Этого было достаточно, чтобы во время коллективизации отца и мать сослали в Туреханский край. Вернувшись из той ссылки, отец вскоре умер от чахотки — Борису был тогда год от роду.

Мать одна растила четверых, зарабатывая шитьем. Она и Бориса потом обучила шить на машинке. Много позже лагерная администрация определила его на швейное дело, рассчитывая, что он сгинет, не в силах выполнить норму. А он успешно шил рукавицы для эков. Но до того еще надо было дожить: арестовали Бориса на закате брежневской эпохи. А вступал он в активную жизнь, полный веры и надежды, в пору хрущевской оттепели. Ровно в пятьдесят шестом, в год XX съезда, окончил школу в городе с замечательным названием Свободный и поступил в Иркутский университет.

Сотрудничество в областной молодежи, знакомство со сверстниками — Александром Вампиловым и Валентином Распутиным, и вот она — первая работа. Комсомольская работа. Секретарь комитета комсомола ударной стройки — Байкальского целлюлозного. Да, того самого, который давно уже не может закрыть вся страна. Борис понял страшный грех против природы — отпросился из Байкальска.

Заведующий сектором творческой молодежи в отделе пропаганды и агитации Иркутского обкома комсомола — так называлась его должность, когда совершил он первый антипартийный поступок: написал письмо съезду комсомола. Но заботился он не о комсомоле — о самой партии. Размечтался спасти ее от неминуемой гибели, предложив ввести трехвозрастной состав ЦК КПСС. То есть чтобы избирали туда не одних только старцев. Но ведь к ним, к престарелым властителям, он и обращался. Из партии пришлось его исключить.

В Иркутске нельзя было оставаться. Он наивно решил, что не тронут его на Колыме. В поселке Армань под Магаданом стал преподавать в школе историю, литературу и физкультуру. Там прочитал всего Ленина (полсотни томов с лишним), Плеханова, тридцатитомного Герцена да еще сколько-то томов Маркса и Энгельса. Это уж точно не могло кончиться добром.

Должно быть, что-то осталось в голове и от Макаренки: Черных учинил в

Текст Отто ЛАЦИСА, фото Александры БОРЗОВОЙ

люди

школе республику Советов депутатов учащихся. В самое неподходящее время: в 1968-м, когда раздавленная танками Пражская весна до смерти напугала советскую бюрократию. Десятиклассника Олега Бойко, стоявшего во главе республики, тремя годами позже по организованному навету отчислили с исторического факультета Кишиневского университета. Потом пять журналов отказались напечатать повествование об этой истории.

Где Магадан и где Кишинев! Не жалели же сил, чтобы задавить любой проблеск мысли. Со школой Борис расстался, служил в Арманском зверосовхозе рабочим — так магаданские чекисты ходили по квартирам родителей школьников и пугали: ваши дети ходят к антисоветчику. Кто ж еще мог организовать республику Советов, как не антисоветчик!

Пришлось бежать в другую сторону: ближе к Моск-

ве. Поселился во Владимире. Тут он стал автором «Нового мира» и «Юности». В журнале Твардовского его наставником стал замечательный редактор Юрий Буртин. Но тут «Голос Америки» сделал передачу о трагической судьбе русского офицера, используя для нее очерк Черных о военном топографе, напечатанный в «Юности». После этого редактор «Юности» Борис Полевой не мог его печатать.

Всего не перескажешь. Отдельную повесть можно написать про то, как пытались его запереть в психушку в Иркутске, но выпустили, испугавшись — подумайте только! — так вовремя появившегося его очерка в «Неделе». А всерьез посадили в 1982-м за создание в Одессе литературного кружка под названием Вампиловское книжное товарищество. Выпускались «Литературные тетради», машинописные, жутким тиражом в десятках эк-

земляров. Там печатались «Чевенгур» и «Котлован» Андрея Платонова, сочинения Александра Зиновьева, Солженицына.

Статья 70, часть первая — антисоветская агитация и пропаганда. Приговор: пять лет тюрьмы и три года ссылки. Один год отсидел в Иркутской тюрьме, еще четыре — на Чусовой, в 36-й политзоне. Там познакомился со Львом Тимофеевым, Николой Руденко. Из пяти лет триста суток — в штрафном изоляторе.

Освободил Горбачев в 1987-м, не дав досидеть до конца срока два месяца. Устроиться в жизни стало легче. Пошли публикации в «Новом мире», «Огоньке», вышла книжка в библиотеке «Огонька», вышел сборник в издательстве «Советский писатель». По всесоюзному конкурсу Борис прошел на должность редактора новой ярославской газеты «Золотое кольцо». А хотел опять невозможного. В начале ры-

ночной эпохи, когда умирали крупнейшие всероссийские общеполитические газеты, Черных начал издавать в Ярославле литературную газету русской провинции «Очарованный странник». Окупаться она, конечно, не могла. Помогал деньгами старый друг Виктор Поголяев, ставший бизнесменом.

Виктора убили прямо на улице. «Очарованный странник» закрылся. В 1998-м появился «Русский берег», историко-культурная газета Дальнего Востока. Появился в Благовещенске: Борис Черных вернулся на землю дедов. Даром что родился в год дефолта — «Русский берег» продержался шесть лет. Закрылся он совсем недавно по банальной причине: нет денег.

Теперь пенсионер Борис Черных просто писатель. Любимое время — лето, потому что можно жить в деревне. Любимое место на усадьбе — грушевая аллея.